

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Н. Ф. Котляр

ДВОР ГАЛИЦКИХ РОМАНОВИЧЕЙ (XIII в.)

Несколько вводных замечаний. В Средневековье, особенно раннем, власть государства по сути своей была властью государя. Знаменитое восклицание короля-Солнца Людовика XIV «Государство — это я!» полностью соответствовало общественным реалиям. И не только Франции его времени, но и прочих европейских стран Средневековья, среди них и Галицко-Вольнской Руси XIII в. Ведь государь (великий князь) олицетворял государственность и осуществлял власть, а его окружение (во времена Романовичей то был уже двор с разветвленной системой функций и поручений придворным и военным чинам) и составляло государственный аппарат, вначале примитивный. Как писал известный исследователь, «князьям пришлось развернуть силы этого последнего (двора. — Н. К.), чтобы организовать свое управление. Дружинники держат города как посадники, держат воеводство, тысячи в стольных городах. Как при всякой определяющейся административной системе, это придает положению их некоторую самостоятельность, дает в их руки власть и влияние...»¹.

В последние годы оживились интересы и усилия ученых в области исследований проблематики властных институтов средневековых обществ. Они изучаются главным образом в западноевропейских странах с развитой исторической наукой. Работы в этом направлении с конца XX в. ведутся также в России². Совершенствование методики и методологии исследований, в частности внедрение новых методик в соединении с повышением внимания к микроисторическим процессам и явлениям, сосредоточение его на исторических персонажах позволяют постепенно формировать образ двора как властного института, во внутреннем мире и деятельности которого фокусировались все стороны жизни средневекового общества³.

Не может быть сомнений в том, что на Руси княжеский двор имел особенности социального, экономического, политического и др. характера, поэтому не следует буквально распространять на него все выводы (сделанные на материале западноевропейских источников и стран (Франции, Германии или Англии)). Вместе с тем общеевропейские закономерности эволюции общества неминуемо распространялись и на славянский мир. Поэтому не стоит изучать процессы общественно-политической жизни на Руси в изоляции от аналогичных явлений в Центральной и Западной Европе.

¹ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 206.

² См.: Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. М.; СПб., 2001. Вып. 1; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы. Теория. Символика. Церемониал / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., 2004.

³ Хачатурян Н. А. Запретный плод... или новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. Вып. 1. С. 13.

Итак, двор государя представлял собой сердце средневекового государства. Но он не существовал изначально, было бы наивно думать, что двор складывается одновременно с возникновением государства. Так, древнерусская государственность родилась и развивалась в родоплеменном обществе и более ста лет носила дружинный характер. Господствующий слой Древнерусского государства поначалу был представлен верхушкой дружины, из ее членов в течение многих десятилетий складывался элементарный аппарат управления, дружина же осуществляла сбор дани и судебные функции.

Складывание и эволюция двора в XII—XIII в. Возникает естественный вопрос: каким же образом осуществлялось управление княжеством во времена, когда двора как властной структуры еще не существовало? Полвека назад историки представляли руководящую структуру при древнерусском князе таким образом. С возникновением и развитием вотчинного хозяйства (княжеского и боярского) все большую роль начинают играть слуги-управители (министериалы). Князь постоянно ими окружен, они управляют его домом, двором, хозяйством, с ними он привык советоваться, многие из них входят в состав младшей дружины⁴. А старшие дружинники вплотную занялись вотчинными и хозяйственными делами, их меньше интересуют дела княжеские, князь меньше ощущает потребность в «мужах отцов своих». Разве что «думают» обо всех важных делах они, как и раньше, вместе⁵. Речь шла о временах XII—XIII в. А как обстояло дело в XI—XII в.?

В нарисованной знаменитым ученым яркой и эмоциональной картине многое пересмотрено позднейшими исследователями. Хотя главный тезис о значении управителей в княжеском дворе представляется верным. Но имело ли значение это положение для времен X—XI в.? Вряд ли. Кучка старшей дружины (и входившего в нее боярства) не была структурирована, обязанности управления государством или хотя бы имением князя не были распределены и определены. Безусловно, на практике подобная специализация в среде княжеского окружения могла существовать. Кто-то из дружинников или бояр лучше других собирал дань, другой имел склонность к судебным делам. Однако специализация, и то не абсолютная, появится лишь тогда, когда образуется *княжеский двор* как постоянная и обязательная составляющая государственного организма.

Термин «княжеский двор» в значении властной структуры зафиксирован источниками с XII в. В этом значении он продолжает выступать в них в течение всего XIII в. и позднее.

Причины, движущие силы и реальные обстоятельства рождения княжеского двора как управленческой структуры необходимо исследовать в рамках изучения общественно-экономического и политического развития Руси эпохи удельной раздробленности — когда двор возникает. Эволюция княжеского и боярского землевладения, приведшая к политическому дроблению страны и превратившая Русь в федеративную монархию (середина XII в.), сыграла определяющую роль в перерастании давней примитивной системы управления, сосредоточенной в княжеской дружине (когда держава была относительно единой и централизованной), в новую структуру и организацию государственного управления — *княжеский двор*⁶. Безусловно, подобная трансформация происходила болезненно в верхушке феодального общества, поскольку в ее ходе часть бояр неминуемо отстранялась от управления, а на их место приходили другие, со временем все менее знатные люди.

Историки по-разному объясняли смену дружины двором. Выглядит вероятным мнение, согласно которому это произошло вследствие разделения ранее относительно единого государства на отдельные княжества и земли, со становлением и развитием княжеских доменов (владений) и, главное, с утратой господствующим классом общегосударственной корпоративности в виде дружины по мере развития боярской вотчинной собственности⁷.

⁴ Они-то и составляли его двор.

⁵ Мавродин В. В. Социально-политический строй // История культуры Древней Руси. Домонгольский период / Под ред. Н. Н. Воронина и М. К. Каргера. М.; Л., 1951. Т. II. Общественный строй и духовная культура. С. 23.

⁶ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 591.

⁷ Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 81.

Сфера деятельности княжеского двора, по крайней мере в XIII в., вовсе не ограничивалась собиранием дани, судебными и административными функциями. Исключительное положение суверена, от которого зависели все прочие в княжестве, обусловило статус двора в течение всей истории Средневековья как центра политической системы, выходявшего за границы частной жизни монарха и частного его жилища. Двор был резиденцией государя и политическим центром государства. В своем составе он насчитывал несколько десятков, а то и сотен, человек (так бывало в больших княжествах: Галицко-Волынском, Ростово-Суздальском, Черниговском), и это объясняется не только сутубо управленческими функциями, но и тем, что люди двора были одновременно и охраной, и администраторами, и советниками, и даже компактной военной силой, всегда бывшей под рукой у государя.

Есть основания полагать, что членов двора, как должностных лиц, так и министералов, наряду с несением службы государю, объединяли неформальные личные связи, охватывавшие достаточно широкий слой участников действия: личную охрану князя, его слуг и любимцев. Отношениям между людьми двора были присущи соперничество и интриги, в какой-то степени уравновешивавшиеся отношениями солидарности и взаимопомощи⁸. Это особенно наглядно можно увидеть на примере двора Даниила Романовича Галицкого, в котором постоянно соперничали и бояре различного происхождения и различной политической ориентации, и воеводы, стремившиеся к первенству, и должностные лица, и даже министералы — низшие служащие, не обязательно принадлежавшие к благородным семействам.

Определенная, но и весьма относительная в условиях раздробленной Руси стабильность двора как государственной структуры опиралась на традицию службы княжеских дружинников, берущую начало в седой древности. Еще в XIX в. историки (М. П. Погодин и др.) пришли к выводу, что уже в XII—XIII в. служба княжеских дружинников, по меньшей мере тех, кто попал на страницы источников, нередко была наследственной. Тем больше, кажется, оснований считать, что подобная служба имела место в предыдущие времена: в X—XI в., когда дружинники не имели ни земли, ни ценностей и полностью находились на содержании своего князя, завися от него во всем. Когда дружинники, а далее и члены двора (особенно министералы, часто принадлежавшие к отрокам и младшим дружинникам) вступали на службу к князю, они приносили присягу за себя и своих детей верно ему служить.

По мнению С. Б. Веселовского, двор великого князя складывался постепенно из местных и приезжих людей, которые во время вступления на службу по своей предыдущей боевой репутации и личным заслугам размещались во дворе в установленном порядке. Каждый имел свое «место» и свою «честь», и каждый дорожил своей служебной честью. Этот двор в качестве аппарата власти был медленно складывавшимся прочным организмом, а вовсе не случайным сбором случайных людей⁹. Как мне представляется, историку-медиевисту особенно важно изучение роли двора в становлении и развитии государственности, о чем существуют лишь случайные и скудные свидетельства источников, в частности Галицко-Волынской летописи. Это же можно сказать и об отраженных источниками обстоятельствах эволюции государственности в XII в. вокруг Киева.

Одной из главных задач этих заметок представляется изучение обстоятельств и установление времени возникновения самой властной структуры, называвшейся княжеским двором. В. Д. Назаров, которому принадлежит одно из немногих серьезных исследований темы, уверенно утверждал, что сам институт двора возник не позднее последней трети XII в.¹⁰ Свои выводы он построил на новгородском и владими́ро-суздальском летописании, но существуют, как мне кажется, серьезные основания распространить их на древнерусское общество XII—XIII в. вообще.

Сильный и постоянный импульс развития двор получал именно благодаря тому, что эта структура, рожденная нарастанием удельной раздробленности, была особенно важна для государя и его власти в

⁸ Хачатурян Н. А. Запретный плод... или новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике. С. 17.

⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 466—469.

¹⁰ Назаров В. Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1979. С. 104.

эпоху политического разъединения страны. Ибо двор как ближайшее окружение князя и боевой отряд, всегда находившийся у него под рукой, был просто необходим в годы, когда князья боролись между собой за владения, часто сменяли столы, перебираясь с худшего на лучший. Тогда двор также переезжал в новый для него город, решающим образом влияя и на его жизнь, и на жизнь волости, которую он с той поры возглавлял.

Эта организация верных князю служилых людей сохранялась при перемещении из одного княжества в другое. Поэтому двор — наследник дружины — представлял собой всегда готовую действовать, внутренне структурированную организацию бояр и дворян: отряд отборных воинов, административный аппарат и доверенных слуг. Предыдущих младших членов дружины «отроков» в конце XII в. сменили слуги-дворяне. Летописи и другие источники знают разновидности людей двора, такие как тиуны, столтники, меченоши, седельничие. Но вначале то были не придворные титулы или должности, а лишь временные поручения.

Некоторое время княжеский двор выполнял те же функции, что и дружинная управа. Бояре представляли государя на местах, в основных городах княжества. Дани и судебные пошлины в пользу князя, как и раньше, собирали посадники и тиуны, администраторы княжеского господского хозяйства. Из собранного они выделяли десятину церкви и оставляли часть себе: податная и административно-судовая система материально обеспечивала княжских людей денежным и натуральным «кормом» за исполнение должностных обязанностей. Как писал знаток проблемы, «особым видом такого обеспечения за вассальную службу оставались прямые раздачи князем из казны материальных ценностей — золота и серебра»¹¹. Подобные вознаграждения берут начало в давние времена.

Во вступительной статье к Новгородской первой летописи младшего извода книжник с восхищением и ностальгией вспоминает идеальные времена отношений между князем и дружиной: «Како быша древни князи и мужие ихъ, и како отбараху Руския землѣ, и ины страны придаху под ся; тѣи бо князи не збираху многа имѣния, ни творимыхъ вирь, ни продажъ въскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмъ, дааше дружинѣ в оружье. А дружина его кормяхуся, воююще ины страны и бьющеса и ркуще: „Братие, потягнемъ по своемъ князѣ и по Русской землѣ”»¹². Яркие эти слова относятся не только к дружине — с течением времени они все больше касались всех вассалов князя: бояр, должностных лиц и слуг двора.

Во второй половине XII — начале XIII в. все в управлении государством выглядело внешне, как и раньше. Те же люди выполняют от имени государя властные и прочие функции, как и раньше, получают все то же привычное вознаграждение. Но в действительности все было гораздо сложнее и менее однозначно. Организация служилых государю людей претерпела серьезные изменения под влиянием общих и универсальных для всей Руси процессов социальной, экономической и духовной жизни, вызванных все тем же нарастанием удельной раздробленности. Кучка мало организованных дружинников, обеспечивавших функционирование власти в X — начале XII в., постепенно перерастает в организацию государственного управления — княжеский двор.

Становление двора Романовичей. В самом начале Галицко-Волынской летописи повествуется о том, что после гибели Романа Мстиславича в Польше в июне 1205 г. против его вдовы Анны и малых сыновей Даниила и Василька восстало крупное галицкое боярство. В следующем году княгиня с сыновьями переезжает из мятежного Галича во Владимир Волынский. Но и во Владимире ей угрожают бояре. Узнав об измене волынских бояр Дончука и Нечипора, Анна с детьми решает бежать в Польшу. Бегство семейства Романа из опасного для него Владимира описано в летописи красочно и романтично. Ведь Галицко-Волынский свод не только исторический источник, но и литературное произведение высоких достоинств. В его тексте щедро рассыпаны описания исторических событий и персонажей, он изобилует метафорами, гиперболами, изысканными эпитетами и сравнениями.

Итак, Анна с сыновьями оставляет Владимир Волынский: «Данила же възме дядько предъ ся, изыде из града. Василка же Юрийъ попь с кормилицею възме, изыде дѣрою вонъ изъ града. Не вѣдяху

¹¹ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 591, 596.

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 104.

бо [княгиня] камо бѣжащю, бѣ бо Романъ убиенъ на Ляхохъ, а Лестко¹³ мира не сътворилъ»¹⁴. Из летописного рассказа следует, что покинутая всеми, кроме четырех верных ей людей, княгиня Анна ночью, словно преступница, сквозь пролом в стене владимирских укреплений (оставшийся со времени последней войны) с маленькими мальчиками выбирается из враждебного ей города ее мужа Романа и не знает, где укрыться от бояр!

Полагаю, книжник чрезмерно драматизировал обстоятельства бегства Романовой княгини из Владимира, и без того драматические. Ведь Анна никак не могла быть одинокой в стольном граде Вольнского княжества, отчины ее мужа. С ней была, по меньшей мере, часть вольнского двора Романа, вокруг нее и сыновей железной стеной стояла испытанная в боях его рыцарская дружина, на стороне Анны были граждане Владимира и других городов княжества — об этом узнаем из последующих рассказов Галицко-Вольнской летописи. Наконец, продолжал действовать союзный договор, заключенный Романом Мстиславичем с венгерским королем и польским князем.

Думаю, что в действительности Анна с Даниилом и Васильком оставила неблагодарный Владимир открыто и даже демонстративно в сопровождении двора, преданных ей вольнских бояр и закованной в железо дружины, под хоругвями и стягами Романа. Вероятно, ее советники, и среди них первый Мирослав, трезво взвесили силы и поняли, что им не устоять против войска черниговских Ольговичей, приглашенных боярами в князья, к тому же поддержанных киевским князем и венгерским королем. С того времени начинается длительная и печальная одиссея странствий маленьких Романовичей и их матери по чужим городам и странам. В этих странствиях сложился их двор.

Долгое время основу того двора будут составлять вольнские бояре, должностные лица и министерялы Романа. Они шли за своими малыми князьями всюду, куда Романовичей бросала судьба. В 1211 г. венгерский король решил поспособствовать возвращению Даниила на отцовский галицкий стол. Даниил жил тогда при королевском дворе в Венгрии, на Вольни оставался его брат Василько с матерью. Вокруг них сплотился вольнский двор. Когда Даниил с венгерским войском приближался к Галичу, он получил помощь от брата: «Василку же княжащю в Белзѣ; приидоша же отъ него Великий Вячеславъ Тольстый, и Мирославъ, Демьянъ и Воротиславъ, и инии бояре мнози, вои отъ Белза...»¹⁵.

Имена этих бояр неоднократно встречаются на последующих страницах летописи. Они составят основу двора вначале Василька, а затем и Даниила Романовичей. Не должно вводить в заблуждение то обстоятельство, что все эти бояре упоминаются главным образом в боевых эпизодах. Ведь двор средневекового русского государя был в первую очередь военной организацией. А глава двора — дворский — обычно принадлежал к кругу доверенных и лучших воевод князя.

Двор Романовичей был долгое время странствующим, переходя следом за князьями из Галича в Володимир, далее в Белз и затем в небольшие города Каменец, Тихомль и Перемыль. Когда Романовичи начнут возвращать себе отчину Романа, утвердившись сначала во Владимире Вольнском, а затем и в Галиче, двор всюду будет сопровождать Даниила. А когда в 1213 г. двоюродный брат Романовичей Александр Всеволодич при помощи краковского князя Лешка изгонит малого Василька вместе с матерью из вольнского города Белза (где он тогда княжил), «бояре вси не изневѣришася, но идоша вси съ княземъ Василкомъ в Каменецъ»¹⁶, полученный им вместо утерянного.

Верности вольнского двора, унаследованного от отца, Романовичи в значительной мере обязаны своими политическими достижениями, отвоеванием у князей-конкурентов, венгерских королей и польских князей сначала Вольнской земли, а затем и Галицкой. В том же 1213 г. Лешек краковский собрал на Вольни войско, чтобы выгнать из Галича боярина Владислава, самовольно там вокняжившегося. По его призыву пришли Даниил Романович из Каменца, Александр Всеволодич из Владимира, его брат

¹³ Краковский князь Лешек Белый.

¹⁴ Галицко-Вольнский літопис. Дослідження. Текст. Коментар / За ред. М. Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 78.

¹⁵ Там же. С. 80.

¹⁶ Там же. С. 81.

Всеволод из Белза, «кождо съ своими вои. Бѣ бо вои Даниловы болши и крѣпльши, бяше бояре велиции отца его вси у него»¹⁷. Следовательно, бояре двора Романа Мстиславича не только остались верными его сыновьям, но и привели с собой отряды вооруженных людей. Вероятно, эти отряды состояли как из личных дружин бояр, так и из приведенных их вассалами ратников¹⁸.

Даже когда один из Романовичей ненадолго уезжал из княжества, с ним ехали чины двора. Весной 1230 г. «еха Василко к Суздаю на веселе шюрина своего, к великому князю Гюрьгю [Юрию], поемь Мирослава съ собою и инь»¹⁹ — людей двора. Мирослав принадлежал к ближайшему окружению Романовичей. Он был видным администратором, полководцем и дипломатом. Вероятно, в качестве дипломата и взял его с собой князь Василко. Незадолго перед тем (в 1228 или 1229 г.) Василко Романович женился на дочери названного только что владими́ро-суздальского князя Юрия Всеволодича Дубравке (Дубраве)²⁰. Можно думать, что боярин Мирослав был в числе тех, кто подготовил этот брак. А вот о какой свадьбе речь идет в процитированном тексте, повествующем о поездке Василка в Суздаль, остается неясным. Сам Юрий Всеволодич женился в 1211 г. на дочери черниговского князя Всеволода Черного Агафье, погибшей в дни взятия ордями Батыею Владимира на Клязьме 7.02.1238 г.²¹ Понятно, почему Василко Романович подался во Владимир: с родичем ему было удобнее, чем Даниилу, вести брачные переговоры.

Военная сила двора. Двор Романовичей и люди этого двора, как упоминалось, выступают на страницах Галицко-Волынской летописи (основном и в большинстве случаев единственном источнике) почти исключительно в боевых эпизодах — причиной тому была бурная и драматическая жизнь Романовичей, особенно старшего из них Даниила. Одной из основных фигур двора были воеводы. Обычно воеводы Романовичей возглавляли крупные контингенты их войска, принимали участие в больших и малых битвах и войнах. А вокруг государя стоял его двор, представлявший собой немалую военную силу, способную решать в пользу своего князя, по меньшей мере, локальные конфликты. Военным подразделением двора — «малой дружиной» — командовали преданные ему люди, бывшие, вне сомнения, опытными военачальниками. В этом убеждает летопись. В 1219 г. Даниил Романович отвоевал у Лешка краковского захваченные тем земли Западной Волыни. Польский князь решил вернуть потерянное. Нападение польского войска было неожиданным, поэтому государь, как можно понять из летописного рассказа, послал против них воинов двора: «Веснѣ же бывши, ехавше ляхове воевать, и воеваша по Бугу. Посла по них Даниль Гаврила Душиловича и Семена Олуевича, Василка Гавриловича; и бишася... и воротилася с великою честью в Володимерь»²².

Тожественным образом можно интерпретировать свидетельство галицкого книжника несколькими месяцами позднее в том же году. Тогда тесть Даниила Романовича Мстислав велит ему оставить Галич, который тот защищал от венгерского короля и враждебных Мстиславу и Романовичам бояр. «Даниль же изыде из Дѣмитромъ тысяцкимъ, и с Глѣбомъ Зеремѣвичемъ, и с Мирославомъ изыдоша из града»²³. В этом тексте названы главные должностные лица двора Романовичей. Перед нами одно из первых, пусть и косвенных, свидетельств источника об этом дворе.

В 1228 г. Даниил и Василко использовали силы своего двора, дабы выбить из Луцка (тогда им уже принадлежавшего) амбициозного Ярослава Ингваревича, внезапно вторгшегося в город: «Посласта на нь [Ярослава] Андрѣа, Вячеслава, Гаврила, Ивана»²⁴, — вероятнее всего, с отрядами, состоявшими из людей двора (малой дружины). Но не всегда государь посылал воинов своего двора под предводительством кого-нибудь из должностных лиц. Бывало, что он лично возглавлял двор. В 1230 г. Даниил неожиданно

¹⁷ Там же.

¹⁸ Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX—XIII вв. Киев, 1885. С. 132.

¹⁹ Галицко-Волынский літопис. С. 92.

²⁰ Донской Д. Справочник по генеалогии Рюриковичей. Ренн, 1991. Ч. 1. № 428. С. 152; № 504. С. 171.

²¹ ПСРЛ. Л., 1927. Т. I. Вып. 2. Стб. 435, 463; Л., 1928. Вып. 3. Стб. 518.

²² Галицко-Волынский літопис. С. 82.

²³ Там же. С. 83.

²⁴ Там же. С. 89.

напал на предводителя боярской оппозиции Судислава. Чтобы достигнуть эффекта неожиданности, князь использовал своих дворян. Как свидетельствует источник, он «иде въ малѣ дружинѣ²⁵ къ Галичу». Застигнутый врасплох Судислав не стал сопротивляться небольшому отряду своего сюзерена и бежал²⁶.

Вне сомнения, люди двора — дворяне — выступают в нашем источнике в описании яркого эпизода острого противостояния Даниила Романовича с великим галицким боярством в 1231 г.: «Самому же Данилу съзававышю вѣче, оставшюся въ 18 отрокѣ вѣрныхъ, и съ Демьяномъ тысячкымъ своимъ...». Князь обращается к горожанам с призывом поддержать его против врагов, они же уверяют его в преданности. А сотский Микула бросает крылатые слова: «Господине! Не погнетши пчель, меду не ясти!»²⁷. Столь образно младший служащий двора Даниила посоветовал князю безжалостно расправиться с боярами²⁸. В приведенной летописной цитате выступает военная (дворская) структура: вместе с князем находится тысяцкий, а совет ему дает сотник, надо думать, контингента его двора.

Особенностью странствующего двора Даниила Романовича, а таким он будет до 1245 г., когда князь наконец победит боярскую оппозицию и утвердится в Галиче, был его сложный состав, поскольку в нем одновременно пребывали и волынские, и галицкие бояре. К тому же галицкие, в зависимости от стратегической обстановки и собственных намерений, то отходили от двора, то возвращались в него. Ведь галицкие бояре в абсолютном большинстве были корыстными и циничными приспособленцами, они, ни минуты не колеблясь, изменяли своему князю, как только это им виделось выгодным. На страницах Галицко-Волынского свода немало свидетельств сказанному. Приведу лишь один пример подобного изменения боярской составляющей двора Романовичей.

Весной 1230 г. дело шло к утверждению Даниила в Галиче. Бюргерство, городские верхи города прислали к Даниилу посла со словами: «Судиславъ шель есть в Понизье, а королевичъ в Галичи осталъ, а поиди борже!»²⁹. Эта цитата емко и лаконично раскрывает политическую обстановку в Галиче. Царствовал посаженный на стол провенгерской партией бояр королевич Андрей, а фактически все дела вершил глава этой партии Судислав, которого враждебный ему галицкий писатель называет все же Великим, — вероятно, принимая во внимание его политическую и военную мощь. Даниил проявил себя в этой ситуации умелым полководцем: он послал отряд во главе с воеводой Демьяном против Судислава, и тот разбил его, а сам во главе конницы своего двора («въ малѣ дружинѣ») бросился в Галич. Он принялся осаждать столицу Галицко-Волынского княжества. Убедившись в тщетности надежд удержать положение, галицкие бояре, будто ничего не случилось раньше, все перешли на сторону победителя и влились в состав его двора (!): «И прииде же Демьянъ³⁰ съ всѣми бояры галицкими, съ Мирославомъ и с Володиславомъ³¹ и съ многими боярами галицкими»³². М. С. Грушевский образно подытожил происшедшее тогда: «К Даниилу наспели полки, но что важнее — Галицкая земля подымалась, становясь на сторону Даниила, и много галицких бояр присоединилось к его войску³³. В подобных обстоятельствах, да еще и в связи с симпатией к Даниилу самих людей Галича, у небольшого венгерского гарнизона не было надежды устоять, и королевич капитулировал»³⁴.

И все же гибкость и беспринципность галицких бояр имела какие-то пределы, по крайней мере, в общественном представлении. Нельзя было не принимать в расчет враждебное отношение населения стольного града к мятежному боярину, который поддерживал венгерского короля и не колебался в том, чтобы посадить

²⁵ Из летописных контекстов можно сделать вывод, что «малой дружиной» обычно называли военную силу княжеского двора.

²⁶ Галицко-Волинський літопис. С. 92.

²⁷ Там же. С. 94.

²⁸ О распространенности этой поговорки в древнерусской письменности свидетельствует приведение ее в польской «Великой хронике» XIII в., где она приписывается отцу Даниила Роману Мстиславичу (Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XII–XIII вв. М., 1987. Вступ. статья и комм. Н. И. Цавелевой. М., 1987. С. 137).

²⁹ Галицко-Волинський літопис. С. 92.

³⁰ В то время тысяцкий Даниила.

³¹ Галицкий великий боярин.

³² Галицко-Волинський літопис. С. 92.

³³ Но главное — к его двору!

³⁴ Грушевський М. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. III. С. 47.

королевича на галицкий стол. После того как венгерский гарнизон капитулировал на милость победителя, «пусти [Даниил] сына его [короля] и проводи и до рѣкы Днѣстра. Изыде же с нимь единь Судиславъ, на нь же метяху [горожане] камение, рекуще: “Изыди из града, мятежниче земли!”»³⁵.

Итак, полностью скомпрометированный в глазах Романовичей и общества Судислав был вынужден уйти прочь вместе с молодым королевичем Андреем, иначе ему, вероятно, было бы не сносить головы. Быть может, горожане стольного града, с энтузиазмом изгонявшие Судислава и поддержавшие Романовичей, надеялись на то, что Даниил в этот раз прочно овладеет Галичем. Но эти надежды не оправдались³⁶.

Действительно, минет еще нескончаемо долгих (для Романовичей!) восемь лет, прежде чем Даниил утвердится в Галиче. И не последнюю роль в этой паузе сыграет то, что его двор не был монолитным в социальном плане и единым в достижении цели — галицкое боярство, время от времени входившее в состав двора, в массе своей противилось государственным планам и действиям своего государя.

Место двора в процессе создания государства Романовичами. Лишь со времени утверждения Даниила на галицком столе (да и то не окончательного) в 1238 г. приходится говорить об активном участии части княжеского двора в поддержке государственного созидания, проводимого Даниилом и Васильком. Ближайшее окружение князя из вольнских бояр, которые и составляли основу его двора в течение 20-х — большей части 30-х г. XIII в., было верным помощником Романовичей в преодолении сопротивления галицких боярских «олигархов», в отражении агрессии со стороны венгерских, польских и литовских властителей, в восстановлении хозяйства, пришедшего в упадок из-за боярского своеволия и грабежей, иноземной оккупации, в реформировании войска и укреплении рубежей. С овладением Даниилом верховной властью от двора требовались новые идеи, планы и усилия. Судя по рассказам Галицко-Вольнского свода, двор выполнял возложенные на него Романовичами задачи.

Преодоление боярской оппозиции было одной из основных государственных идей Даниила, а проведение ее в жизнь требовало предельного напряжения сил и активной поддержки княжеского двора. Большую тревогу князя бояре вызывали и после 1238 г. Они не покорились, лишь притихли, ожидая удобного часа, дабы вновь подняться против государя. Было бы наивным надеяться, что сразу же после того, как в 1238 г. Даниил сел на отцовский престол, галицкое боярство склонится перед ним. Оно признавало лишь единственный аргумент — военную силу. Но, поскольку князь тогда крепко держал стол в своих руках, был поддерживаем всей массой городского и сельского населения, бояре были вынуждены на какое-то время (они надеялись, очень недолгое) склониться перед государем. Поэтому преодоление сопротивления галицкого боярства принадлежало к числу главных государственно образующих усилий Романовичей.

Возникает естественный вопрос: почему князь, который насквозь видел мятежников и интриганов-бояр (в этом убеждает нас летопись), все же многие годы относительно мягко обращался с ними, никого не казнил, даже когда они попадали к нему в руки? Ведь бояре не раз посягали на жизнь Даниила, свергали его с престола, призывали на его место разных, в основном враждебных ему, конкурентов? Ответить на этот, казалось бы, простой вопрос очень нелегко. И не только потому, что историки не знают всех событий, бурливших в галицком обществе. Ведь источники того времени сохранились во фрагментах, за исключением разве что Галицко-Вольнской летописи. Но ее составители раскрывают перед нами далеко не все движущие силы в обществе и мотивы деятельности своих героев — да и знали ли они их во всех случаях?!

Дело состояло в том, что в 1219—1245 г. Даниил Романович никогда не был полновластным государем ни в Галичине, ни даже на Волыни. Его окружала масса крупных феодалов, среди которых первое место занимали вольнские бояре отца, его сподвижники и советники, основа его вольнского, а затем и галицко-вольнского двора. В борьбе за возвращение в Галицкую землю князю приходилось вступать в добрые отношения с частью верхушки галицкого боярства, даже вводить кого-то из них в свой двор — пусть даже для того, чтобы расколоть это боярство. И это ему удавалось делать, как свидетельствует развитие событий³⁷.

³⁵ Галицко-Вольнский літопис. С. 92.

³⁶ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. III. С. 47–48.

³⁷ Котляр М. Ф. Данило Галицький. Київ, 2002. С. 125–137, 203–233 и др.

Таким образом, Даниил Романович тысячами нитей, своеобразных кровеносных сосудов был связан с верхушкой феодального класса Галичины и Волыни. Поэтому ему приходилось принимать во внимание мнение близких ему людей, которые из чувства классовой солидарности не могли одобрить кровавой, даже судебной расправы над кем-то из бояр, пусть и враждебных князю и им самим. Это создало бы опасный прецедент: чего доброго, простой народ решит, что можно судить его господ и рубить им головы! К тому же часть мятежных галицких бояр входила в состав двора Даниила.

Быть может, в памяти государя с малых лет жила страшная картина повешения князей-Игоревичей галицкими боярами в 1211 г. Она, вероятно, ужаснула и прочно отложилась в сознании Даниила, в ту пору еще десятилетнего княжича. Наконец, его власть в Галиче в первый период утверждения в городе (1238—1245 г.) осложнялась неблагоприятной социально-политической ситуацией на Руси и в Европе. Ему приходилось учитывать не только боярские происки, но и агрессию со стороны Венгрии и претензии черниговских князей. Ко всему Даниил задумал тогда утвердиться в Киеве (и совершил это в 1238 г.) и, наверное, не хотел до времени раздражать бояр. Кампания против них была впереди.

Лишь после Ярославской битвы в августе 1245 г., в которой Даниил одолел венгерское войско, приведенное Ростиславом черниговским, и отряды галицких бояр, у него наконец появилась возможность раз и навсегда покончить с мятежными боярами, противившимися его действиям. После окончания сражения «Жирослав³⁸ же приведе Вьлодислава³⁹, злаго мятежника земли, в то же день и тѣи убиень бысть и инии»⁴⁰ [бояре]. Было казнено множество враждебных Романовичам галицких бояр.

Ярославский триумф подвел черту под сорокалетней борьбой княгини Анны и ее сыновей с антигосударственным боярством, Венгрией, Польшей за восстановление созданного Романом Мстиславичем Галицко-Волынского княжества. Во времена княжения Романовичей в 1245—1258 г. оно сделалось самым могущественным на Руси, а Даниил стал полновластным государем Галицкой и Волынской земель⁴¹. Но эта победа имела горький привкус, потому что на Руси на долгие годы установилась жестокая и унижительная власть монгольских ханов и Даниил очень быстро ощутил ее на собственной шее.

Еще весной 1241 г. орды Батгья завоевали Галицко-Волынскую Русь, истребив и забрав в плен значительную часть населения, разрушив города и села, вытоптав поля и луга. После истребительного рейда в Центральную и Юго-Западную Европу монголы вернулись в Восточную Европу и основали в устье Волги разбойничью державу — Орду (в литературе ее обычно называют Золотой Ордой). Монголы были прагматичными правителями. Батый и прочие ханы не стали разрушать систему феодальной власти и социальную структуру земель и княжеств, сложившиеся в течение нескольких столетий. В этих структурах ведущую роль играли княжеские дворы, опыт и возможности которых были использованы завоевателями. Монгольские ханы понимали, что без содействия местных князей и бояр им будет трудно управлять Русью. Поэтому и Батый, и его преемники в Орде не лишали престолов князей, а ставили их в жесткую зависимость от себя, требуя, чтобы те обязательно ездили в ханскую ставку Сарай на Волге на поклон и утверждение на столе⁴².

Поработители умело воспользовались боязнью русского господствующего класса утраты привилегированного положения, земель и богатств. Играя на этом, а также на страхе князей перед народными массами, ханы и их баскаки на Руси перетянули на свою сторону большинство из них, и те стали служить им и за страх и на совесть. Так вследствие классового сговора между монгольскими и русскими господствующими слоями последние по существу предали свой народ⁴³. Однако не все князья

³⁸ Один из членов двора Романовичей.

³⁹ Предводитель враждебной Романовичам боярской партии Галича.

⁴⁰ Галицко-Волынский літопис. С. 108.

⁴¹ Котляр М. Ф. Данило Галицкий. С. 265—266.

⁴² См. не утратившую научное значение и актуальность в наши дни книгу: Насонов А. Н. Монголы и Русь. М., 1940.

⁴³ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 218—232.

склонились перед завоевателями и стали изменниками. К таким мужественным русским государям принадлежал Даниил Романович Галицкий.

Опустошенная ордами Батыева Русская земля лежала в руинах и пожарищах. Но народ нашел в себе силы отстроить уничтоженные врагом города и села, постепенно возродить земледелие и животноводство, ремесла и промыслы, восстановить торговые связи. В Юго-Западной Руси жизнь начала возрождаться раньше всего в Галицко-Волинском княжестве, что в значительной мере объясняется государственной деятельностью Романовичей. Положительную роль в этом сыграл княжеский двор. Галицкий книжник свидетельствует, что после «Батыева погрома» Даниил «нача призывати прихожаа нѣмци [иноземцы] и Русь, и иноязычники и ляхы: идяху день и в день, и уноты⁴⁴ и мастера всяции бѣжаху ис Татарь, сѣделници и лучници, и тулници, и кузнеци желѣзу и мѣди, и сребру. И бѣ жизнь, и наполниша дворы окресть града, поле и села»⁴⁵.

Полагаю, не случайно в приведенном тексте источника среди ремесленников названы одни лишь оружейники — великий князь Даниил Романович готовился к отпору Орде!

В надежде объединить Русь. Галицкий летописец отдавал должное мерам Даниила по возрождению старых и строительству новых городов, особенно оборонительных крепостей и замков. В кратком посмертном панегирике государю в перечне его достоинств с уважением сказано, что он «сздаа города многы»⁴⁶. В течение 1238—1258 г. Романовичи интенсивно укрепляли северные и южные рубежи своей земли.

Государственно созидательная, в частности оборонительная, деятельность Даниила насторожила Орду. Ко всему его княжество первое время не было обложено татарской данью, в нем не было монгольских наместников-баскаков. Поэтому в 1245 г., вскоре после Ярославского сражения (в котором Даниил разбил венгерское войско, а затем уничтожил боярскую оппозицию) Батый велел своему наместнику в Юго-Западной Руси Мауду послать к Даниилу с требованием: «Дай Галичь!». А далее в источнике приводятся красноречивые слова старшего Романовича: «Бысть [Даниил] въ печали велице, зане не утвердилъ бѣ земля своя города. И дума съ братомъ своимъ, поеха къ Батыеву, рече: “Не дамъ полуотчины своя, но еду къ Батыеву самъ”»⁴⁷.

Источник ясно засвидетельствовал намерения Даниила Романовича укрепить свое княжество крепостями и замками для отпора безжалостному врагу. К тому времени многое было уже сделано. Возведен был неприступный Холм, который не сумели взять ни полчища Батыева в 1241 г., ни войско Бурундая в 1259 г.

Поездка Даниила в Сарай завершилась благоприятно для него. Правда, ему пришлось признать зависимость от Орды⁴⁸. Но ценой личного унижения государь сохранил целостность своего княжества, не впустил в него татарских баскаков и получил наконец передышку для подготовки к вооруженной борьбе против Орды.

Сразу же после возвращения из Сарая Даниил продолжил поиск союзников. Он, можно думать, понимал, что не западные соседи будут его опорой в действиях, направленных на освобождение от монгольского ига. Венгрия, Польша и Литва погрузились в дела европейской политики, их не волновала тяжкая доля русских княжеств, на которые они не раз покушались, им не приходилось платить громадную дань монгольским ханам. Все свои усилия государь направляет на организацию союза русских княжеств и земель против монгольского господства. Его взгляд обращается на Северо-Восточную Русь, и его северорусскую политику поддержат верные князю люди двора. Ведь после Ярославской виктории и истребления Даниилом множества галицких бояр основное место в его дворе вновь заняли бояре волинские, верные сподвижники Романовичей с 20-х годов XIII в.

⁴⁴ Юноши; здесь в значении: подмастерья.

⁴⁵ Галицко-Волинский летопис. С. 122.

⁴⁶ Там же. С. 128.

⁴⁷ Там же. С. 109.

⁴⁸ Там же.

На севере же Руси события развивались драматическим образом. Осенью 1246 г. в Монголии умер ростово-суздальский князь Ярослав Всеволодич. Есть основания думать, что его отравили монголы, поскольку князь стремился к меньшей зависимости от Орды. Папский посол в Монголию Плато Карпини прямо написал, что монгольская ханша Огуль-Гамыш, властная жена великого хана Гуюка, приказала убить Ярослава, дабы вольнее было завладеть его землей⁴⁹. Затем монгольская верхушка раздувает свары между сыновьями Ярослава — Святославом, Александром, Андреем и Михаилом — за великокняжеский престол во Владимире. Михаил завладел отцовским престолом в 1247 г., но уже в следующем году сложил голову в войне с Литовским княжеством. А в 1248 г. великокняжеский престол по решению великой ханши Монголии достался Андрею Ярославичу⁵⁰.

Все это было следствием раздоров в монгольской господствовавшей верхушке. Ведь в 1248 г. умер великий хан Гуюк, на престол взошла его вдова Огуль-Гамыш (1248—1251 г.). Она враждовала с Батыем, и это отразилось на монгольской политике в отношении Руси. Благодаря ханше монголы назначили великим князем Руси младшего брата Александра Ярославича Андрея⁵¹. Александр оскорбился и принялся интриговать в Орде против брата.

Получив от великого хана ярлык на великое княжение во Владимире, юный Андрей Ярославич начал вести себя независимо в отношении Орды и самого Батые. Он стремился освободить Русь от монгольского владычества, но действовал временами излишне прямолинейно и демонстративно. Уже в первый год своего недолгого сидения на великокняжеском столе он перестал посылать дары хану в Орду, что обязательно делали его предшественники, да и все русские князья. Даже непременные дани монголам в годы его княжения уплачивались не полностью⁵².

Стремление Андрея Ярославича освободиться от монгольского ярма не могло не привлечь внимания Даниила Романовича и его советников. В неминимой борьбе с завоевателями сильный ростово-суздальский князь мог быть наилучшим союзником. Назревала коалиция Руси Юго-Западной с Северо-Восточной.

Думается, инициатива создания такого союза могла принадлежать более опытному и старшему по возрасту Даниилу Романовичу. На эту мысль наводит следующий факт: в 1250 г. ближайший сподвижник Даниила галицкий митрополит Кирилл отправился с визитами вначале в Рязань, а далее во Владимир на Клязьме. Трудно сомневаться в том, что эта поездка стояла в прямой связи с последующим браком Андрея Ярославича с дочерью галицко-волинского государя. Летопись сообщает, что зимой того года «ожени ся князь Ярославичь Андрѣй Даниловною Романовича, и вѣнча и митрополить в Володимери... и много веселья бысть»⁵³.

Цель готовящегося дворами обоих княжеств династического союза могла быть, видимо, одна: подготовка вооруженного свержения монгольского ига. Даже неблагоприятному к Андрею северорусскому летописцу пришлось признать, что гордый князь, когда вступил в вооруженное противостояние с Ордой, предпочитал «с своими бояры [двором] бѣгати, нежели царямъ [ханам] служити. И побѣже на невѣдому землю со княгынею своею и с бояры своими»⁵⁴.

В последующей борьбе с монгольской властью у Андрея было мало шансов опереться на кого-нибудь из северорусских князей. Брат Александр (Невский) враждебно относился к нему, недовольный тем, что младший брат перехватил у него престол. Андрея поддерживал тверской князь Ярослав Ярославич, но его помощи было недостаточно, поскольку Тверь имела небольшое и слабое войско. Поэтому и для Андрея Даниил был лучшим и в сущности единственным союзником в грядущей борьбе с Ордой.

Все это делало силы Руси перед войной Андрея Ярославича с Ордой разобщенными, не готовыми к сражениям. Тем временем монгольские ханы продолжали бдительно следить за действиями Андрея

⁴⁹ Плато Карпини Иоанн де. История монголов. СПб., 1911. С. 57—60.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 472.

⁵¹ Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волинской Руси. М., 1950. С. 271—272.

⁵² Каргалов В. В. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 140—145.

⁵³ ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Стб. 472.

⁵⁴ Там же. Стб. 473.

Ярославича, откровенно стремившегося выйти из-под их руки. Брак ростово-суздальского князя с дочерью Даниила Романовича стал для них грозным предостережением. В Сарае решили, что более медлить нельзя. И послали против Андрея сильное войско под командованием одного из Чингизидов Неврюя. В древнерусские летописи это событие вошло под характерным названием «Неврюевой рати».

В 1252 г. силы Неврюя форсированным маршем двинулись на княжество Андрея Ярославича. Он не покорился врагу и оказал сопротивление. Когда монголы, форсировав р. Клязьму, подошли к Переславлю Залесскому, их встретил с войском ростово-суздальский князь. Как сообщает один из северорусских летописцев, произошла большая битва. Андрея смогла поддержать лишь присланная тверским князем малочисленная дружина. Нападение врага было столь неожиданным, что Андрей Ярославич не успел сообщить об этом Даниилу. Вероятно, он не имел времени и собрать народное ополчение. В жесточенном сражении неисчислимая вражеская орда победила. Тот же летописец сообщает, что князь Андрей бежал в «Свейскую землю», т. е. в Швецию⁵⁵. Так выбыл из политической жизни Руси естественный и лучший союзник Даниила Галицкого в освободительной борьбе против иноземных поработителей.

Направленная на создание коалиции против Орды деятельность Даниила встревожила ханов. Источники весьма неполно и в конечном счете суммарно сообщают о том, что в начале 50-х годов XIII в. он оказался в вооруженном противостоянии с ордой одного из монгольских военачальников Куремсы, кочевавшего на юге современной территории Украины. Есть основания думать, что начало конфликта с монголами относится к рубежу 40–50-х г. XIII в., когда в ханской ставке узнали об усилиях Даниила заключить военное соглашение с Андреем Ярославичем. Как бы там ни было, в начале 1250-х годов отношение Орды к Романовичам резко меняется. От былой внешней благожелательности не остается и следа. Орда решает вооруженной рукой укротить Даниила.

Разработанный в ханской ставке для Куремсы стратегический план войны против Галицко-Волынского княжества состоял, как вытекает из дальнейших его действий, из следующих пунктов: 1. вторжение на наименее защищенное галицкое Понизье Днестра; 2. оттеснение войска Даниила на запад наступательными операциями на юге Волыни с тем, чтобы отрезать его от Киевской земли, 3. оккупация ее и лишь затем — переход в решительное наступление на Галицко-Волынское княжество⁵⁶.

Вначале Куремса действовал в соответствии с этим планом. Он прорвал оборонительный рубеж княжества на Днестре и даже посадил было своего баскака в главном городе Понизья Бакоте. Но старший сын Даниила Лев отбил у татар Бакоту и взял в плен баскака. Далее Куремса вторгся в Южную Волынь и опустошил околицы Кременца, но не смог взять этот сильно укрепленный город. Вновь Лев Данилович отогнал его. Куремса стремился перейти в контрнаступление, но, когда его конница появилась на Волыни, она была рассеяна войском Романовичей под Луцком. Орда была вынуждена вернуться в места своих кочевий на юге, в так называемое Поле (степь)⁵⁷.

В течение первой половины 50-х годов XIII в. Даниил Романович успешно противостоял монгольскому войску, не раз нанося ему чувствительные поражения. Галицкий летописец с полным правом и большой гордостью записал в своем сочинении: «Данило же дрѣжаше рать с Куремсою. И николи же не бояся Куремсы; не бѣ бо могъ зла ему сътворити никогда же Куремса»⁵⁸.

Так выглядит разнообразная деятельность княжеского двора Романовичей в мерцающем, часто неверном и противоречивом свете источников, подлинной жемчужиной среди которых следует считать Галицко-Волынский свод.

⁵⁵ ПСРЛ. СПб., 1885. Т. X. С. 138.

⁵⁶ Котляр М. Ф. Данило Галицкий. С. 319.

⁵⁷ Галицко-Волынский летопис. С. 119–121.

⁵⁸ Там же. С. 123.